

«Материал» или непреходящая духовная ценность?

Евгений ИЛЬИН, учитель литературы

Учителя старшего поколения помнят, как в 80-е годы на педагогическом небосклоне ярко засияло созвездие педагогов-новаторов, призвавших коллег сбросить методические путы и идти дорогой творчества. Какую огромную аудиторию собирали в те годы передачи из студии «Останкино», героем которых стал школьный учитель! Среди этого созвездия имён одно из самых ярких — ленинградский словесник Евгений Николаевич Ильин.

С тех пор прошло двадцать лет. О чём думает, с чем спорит, что утверждает учитель-новатор сегодня? Предлагаем вам его размышления. Примите их, как участие нашего именитого коллеги в нынешних августовских конференциях.

Школьная программа сегодня разрешает всё. Как говорил поэт, — «выбирай на вкус». Но встаёт вопрос: на чей вкус? Ученика, который ждёт лёгкого чтения? Учителя, стремящегося честно выполнить свой профессиональный долг? Или вуза, диктующего свою «программу»?

Учитель, конечно же, должен, просто обязан дать ту литературу, которую потребуют институты от его питомцев. Например, вместо школьной классики «Разгрома», «Молодой гвардии», «Хождения по мукам» и т.д. в обязательный список сегодня попадают «Доктор Живаго», книги Домбровского, Гроссмана, Гранина... А самая популярная, между прочим, в Швеции Горьковская «Мать» исключена из программы для поступающих в вузы. Вместе с темой революции исчезла таким образом и вечная тема матери, которая у Горького звучит, как ни у кого другого.

«Белые одежды» Владимира Дудинцева, «Мы» Евгения Замятина, «Грузинский альбом» Андрея Битова — всё это в «рекомендованном», скажем так, списке. Это хорошая проза, но куда исчезли книги такого крупного современного писателя, как Юрий Бондарев? Ни «Горячего снега», ни «Последних залпов», ни «Берега», ни «Выбора», а ведь этими книгами зачитывались поколения наших сограждан. Такое впечатление, что этого яркого имени не было в нашей литературе.

Мягко говоря, удивляет, что Блока, Есенина, Маяковского в некоторых вузах даже не считают нужным выделить в отдельные темы и рассматривают их обзорно среди второстепенных поэтов «серебряного века». Мало сказать, что это вопиющее искажение их художественной значимости, но это ещё и грубейшая литературоведческая ошибка, ибо ни один из названных поэтов не укладывается только в период «серебряного века»: творчество каждого из них — эпоха.

Но всё это за пределами школы. А что в самой школе?

Тревожная ситуация наметилась в отношении русской классики. Казалось бы, список её расширен, появились новые произведения. Но... Подобно плохому актёру, школа начинает «подыгрывать» публике. И что ещё опаснее — конъюнктуре. Человекоформирующий урок литературы по сути уже не формирует ни вкуса, ни нравственности, ни самого человека в конечном счёте. Боясь разлада с сегодняшним непростым учеником, учитель нередко идёт у него на поводу, поступаясь тем, что, казалось бы неприкосновенно. Например, гоголевский Чичиков, которого автор, между прочим, назвал «подлецом», ныне чуть ли не герой нашего времени. В конце концов, не это страшно. При таком подходе к делу «Мёртвые души» превращаются как бы в портрет Кутузова, висящий в доме Коробочки, или Багратиона в кабинете у Собакевича. Ибо тотчас возникает вопрос: зачем? для чего они? какой в них смысл?

Нечто подобное с Онегиным, Печориным... «Я древнюю литературу не читаю», — вот реплика ученика, убеждённого, что проблемы, поднимаемые русской классикой, сегодня никого не волнуют, что они — анахронизм, нечто древнее, заплесневевшее. И в этом вина не

ученика и даже не времени, в котором мы живём, а разрушительного подхода школы к духовным ценностям отечественной культуры. **Литература ныне уже не урок жизни, не урок нравственного прозрения, главным образом, а только учебный предмет.** Отсюда следует «практический вывод»: нужно знать, не литературу, не над книгой размышлять волноваться, а знать всего лишь «материал» для сдачи школьного или вступительного экзамена.

Да, учителю сегодня трудно. Да, он вынужден изыскивать способы, приёмы, чтобы заинтересовать ученика. Но на какой основе рождаются эти приёмы, способы? Часто — на недопустимой. А именно: на искажениях авторского замысла писателя, его позиции, духовной сути произведения. **Из вневременной, вечной ценности классика становится чуть ли не рыночным продуктом, который употребляется в утилитарных целях.** Тому во многом способствуют ТВ и даже театр с его «современным осмыслением» (читай — оглушением) классики. Чего стоит «осовремененная» постановка повести «Муму», и газетные комментарии к ней, утверждающие, что Тургенев — чуть ли не недоумок, и наконец-то нашёлся «художник», который его «усовершенствовал»... Пошлость всё это, неприкрытая махровая пошлятина.

Сегодня, кажется, уже неважно, какие названия стоят в программе, а каких нет. Вопрос гораздо глубже: понимает ли школа значение книги как таковой? Конечно, классика открывает возможности для современной трактовки. Можно, к примеру, выстроить целостный курс и назвать его «Деловой человек в русской классике». Но это вовсе не значит, что всё, не касающееся «делового человека», должно пройти мимо ученика. Деловые люди превратятся в монстров без идеала, без нравственности, без мук совести...

Из прошлого мы берём не пепел, а огонь. Классика потому и нетленна, что сколько лет ни прошло, какие бы исторические формации ни сменяли друг друга и как бы ни менялись мы сами, — огонь классики будет вечен. А «пепел» пусть просеивают те, кто боится живой очищающей силы огня.

Санкт-Петербург